

Ч. ЛОУКОТКА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МАЛОИЗВЕСТНОГО ИНДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ ШТАТА ПАРАНА, БРАЗИЛИЯ

Во время пребывания в Бразилии (1957—1958 гг.) я принял участие в экспедиции, организованной Научно-исследовательским институтом Философского факультета университета в г. Куритиба, столице штата Парана. Целью экспедиции было изучение жизни, языка и обычаев почти неизвестного индейского племени, живущего в горах Доурадос. Экспедиция была снаряжена в январе 1958 г.; на меня в качестве главной задачи была возложена запись языка этого племени, которое местные исследователи называют шета. Лично я считаю это название ошибочным — не только потому, что сами индейцы не признают его своим, но и вследствие полного различия в языках известного нам племени шета и того, которое нам предстояло исследовать.

Племя шета (которое называют также арэ и ивапарэ-ботокудо) впервые было открыто бразильским полковником Телемако Морозини Борба в 1899 г. Он нашел у каинганов двух пленников из племени, которое они называли курутон, что на их языке означает «без одежды» (т. е. обнаженный)¹. Селения этого племени находились в девственных лесах у р. Иваи. С этими же двумя пленниками говорили в 1907 г. чешский этнограф А. В. Фрич, а в 1912 г. бразильский лингвист немецкого происхождения Курт Нимуэндажу-Ункель. Фрич совместно с индейцами-каинганами посетил одно из селений этого племени²; в основном же все три исследователя сообщают лишь сведения, полученные ими из бесед с упомянутыми двумя пленниками. Они записали образцы языка этого племени, которое Борба назвал арэ, Фрич — шета, а Нимуэндажу — ивапарэ.

Фрич, не будучи лингвистом, передал свои записи о языке шета для обработки мне. Результаты опубликованы мной в 1929 г. в Париже; в этой работе я доказал, что речь идет об архаической форме языка гуарани³. Нимуэндажу составил словарь этого языка, о чем сообщил мне весной 1940 г. Небольшой отрывок из этого словаря был опубликован под неправильным обозначением «Ботокудо» уже после смерти Нимуэндажу в Альбукерке (США)⁴. Напрасны были, однако, все мои поиски оригинала словаря в оставшихся после смерти Нимуэндажу бумагах, хранящихся в архиве Управления по охране индейцев в Рио-де-Жанейро; мне не удалось найти ни одной страницы.

Все три известных нам образца языка шета тождественны, ибо они были получены от одних и тех же лиц — пленников племени каинган. Однако собранный мной языковой материал у племени, живущего в горах Доурадос, полностью отличается от этих образцов. Это не архаическая форма языка гуарани, а совершенно иной, родственной ему язык, содержащий значительное количество слов (примерно 70%) чужого происхождения. Анализ обоих языков дан мной в статье, опубликованной в 1960 г. на французском языке в Будапеште⁵.

Никому, однако, не удалось установить подлинное название племени, живущего в горах Доурадос. На все мои вопросы индейцы отвечали либо пожатием плеч, либо отрицательными жестами; даже переводчик нашей экспедиции, семнадцатилетний

¹ T. M. Borba, Observações sobre os indígenas do estado Paraná, «Revista do Museu Paulista», т. VI, Sao Paulo, 1904, стр. 53—62.

² Рукописный материал А. В. Фрича, хранящийся в Институте этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук в Праге.

³ C. Loukotka, Le Setá, un nouveau dialecte Tupi, «Journal de la Société des américanistes», нов. сер., т. XXI, Paris, 1929, стр. 273—398.

⁴ C. Nimuendajú, Social organisation and beliefs of the Botocudo of eastern Brasil, «Southwestern Journal of Anthropology», т. II, № 1, Albuquerque, 1946, стр. 93—115.

⁵ C. Loukotka, Une tribu indienne peu connue dans l'état brésilien Paraná, «Acta ethnographica Academiae Hungarica», т. IX, Budapest, 1960, стр. 357—394.

юноша из этого племени, живший уже в течение пяти лет в г. Куритиба, не мог нам назвать имени своего родного племени. По всем признакам, название этого племени является табу, и его знают лишь взрослые мужчины, к числу которых наш переводчик еще не принадлежал.

С 1912 г. не поступало никаких сведений о том, что в центральной части штата Парана имеется, кроме каинганов, еще какое-нибудь индейское племя. Лишь в 1949 г. на кофейных плантациях одного японского поселенца в горах Доурадос внезапно появился отряд молодых неизвестных индейцев. Из опасений перед нападением возникла паника, однако последовавшие поиски этих людей, проводившиеся инспекторатом Управления по охране индейцев, остались безрезультатными. Лишь три года спустя группа инженеров, производивших съёмочные работы для строительства шоссейной дороги через горы, совершенно случайно обнаружила индейского мальчика, слезавшего с дерева, и отправила его в Куритиба. Там было установлено, что мальчик не понимает языка ни каинганов, ни гуарани, ни какого-либо другого индейского языка. Мальчик был усыновлен инспектором Управления по охране индейцев. Он-то и был нашим переводчиком, хорошо овладев в городе португальским языком и научившись читать и писать. В том же году экспедиция журналистов взяла в плен еще одного взрослого мужчину этого же племени и увезла его в Сан-Паулу.

Так было доказано, что в штате с высокоразвитой промышленностью, земледелием и животноводством совершенно изолированно в девственных лесах живет неизвестное индейское племя.

Настоящий и дружественный контакт с этими людьми был установлен, однако, лишь в 1955 г., когда на fazende Santa Rosa поселенцы усыновили двух индейских сирот. С того времени Научно-исследовательский институт Философского факультета университета в г. Куритиба снарядил к ним несколько экспедиций. В третьей экспедиции, осуществленной в 1958 г., как уже говорилось, принял участие и я; после моего отъезда в Чехословакию, в 1960 г. была организована еще одна экспедиция, в которой, как и во всех предыдущих, принял участие инженер Владимир Козак, чех по национальности, живущий более сорока лет в Куритиба. Снятый им цветной фильм о жизни этого племени был удостоен премии на III съезде бразильских антропологов в Ресифе в 1958 г. В. Козак по образованию не этнограф, однако глубоко интересуется жизнью бразильских индейцев; свидетельством этого интереса служат и собранные им богатые коллекции предметов и утвари различных индейских племен Бразилии, полученные им от самих индейцев. Множество интересных и оригинальных сведений, которые В. Козак сообщил мне в своих письмах из Бразилии, во многом дополнило мои собственные наблюдения.

Основную информацию о жизни и языке вновь открытого племени были мной получены еще в Куритиба от юноши, о котором я упоминал выше. Имя этого юноши Тукамбай (мы сократили в Тука). На fazende Santa Rosa я встретил также индейского мальчика-сироту, усыновленного владельцем и названного им Жеральду. Милый и умный мальчик в возрасте примерно одиннадцати лет все еще говорил на своем родном языке, но хорошо владел и португальским. Он всегда с радостью помогал мне во время моих встреч с его родственниками.

Основные селения этого малоизвестного племени, название которого все еще не установлено, расположены у истоков речек Маравилью, Инуйвай и Мергулью, текущих в северном направлении и впадающих в р. Иваи. На север от городка Умуарана, на расстоянии примерно 100 км, и расположена fazende Santa Rosa, послужившая исходной точкой нашей экспедиции. Горный массив Доурадос, где живут индейцы, состоит из множества холмов (высота которых не превышает 600 м), еще до недавнего времени густо заросших дремучими девственными лесами. В этих лесах преобладают лиственные деревья, пальм мало; подлесок составляют бамбук, различные кустарники с колючими ветвями и листьями, высокая крапива и т. п. В некоторых местах леса почти непроходимы.

Большинство этого подлеска было, однако, в годы, предшествовавшие нашей экспедиции (и после моего отъезда из Бразилии) сожжено с целью получения земли для возделывания кофе, несмотря на правительственный запрет. Специалисты высчитали, что здесь совершенно бесцельно было сожжено более 30 тыс. км² лесов. Это отняло у индейцев, обитающих в лесах, почти все возможности находить себе пропитание, так как животные разбежались, а растения, служившие отчасти в качестве пищи, сгорели.

У племени в Серра-до-Доурадос нет постоянных селений. Так как племя все время бродит в лесах в поисках основных средств пропитания, оно сооружает лишь примитивные навесы, которые должны служить главным образом для защиты огня от дождя, а не для защиты людей. Эти сооружения строят женщины: несколько толстых и по возможности прямых ветвей они втыкают вертикально в землю, затем покрывают их поперечными ветвями, а сверху кладут пальмовые листья. Люди спят перед навесом, на теплой золе костра. По рассказам нескольких индейцев, у племени глубоко в горах имеется деревня, где стоит несколько круглых хижин, в которых происходят различные торжества. В остальное время там постоянно живет лишь шаман.

Все представители племени в горах Доурадос ходили обнаженными, лишь у некоторых мужчин были узкие пояса из лыка или тканей, полученных от бразильцев. Совершенно обнаженными были и женщины. Когда, однако, какая-либо группа индейцев отправляется на фазенду, с которой племя поддерживает дружественные отношения, то они надевают старую одежду, подаренную им поселенцами. В таких случаях мужчины и мальчики надевают штаны и рубахи, а женщины и девочки — длинные до пят рубашки. Так как индейцы еще не научились стирать, вся эта одежда, к которой они не привыкли и от которой стремятся как можно скорее избавиться, невероятно грязна и порвана. Все эти индейцы ходят босыми, в их языке нет даже слова для обозначения обуви какого-либо вида.

Ожерелья, пользующиеся большой популярностью у этих индейцев, состоят из зубов животных и крупных твердых семян некоторых кустарников; при помощи трубки из бамбука они придают ожерельям форму треугольника. Основным украшением мужчин служат колышки, совершенно оригинальные по форме и не имеющие себе подобных во всей Южной Америке. Как только юноша становится совершеннолетним, ему просверливают острой костью нижнюю губу и в отверстие вкладывают короткий круглый колышек из твердой смолы дерева эмбауба (*Sesuvium adelporum*). Этот колышек закрепляется во рту еще одним деревянным поперечным колышком, который растягивает рот до невообразимой формы. Во время еды этот поперечный колышек вынимается и висит на подбородке. Отверстие в губе является признаком возмужалости мужчины, и тот, у которого отверстия нет, не считается зрелым мужчиной. Никакое другое племя южноамериканских индейцев не растягивает рот подобным образом, хотя у многих племен принято ношение колышка.

Мужчины и женщины носят распущенные волосы, иногда, главным образом у женщин, волосы достигают плеч, их концы грубо обрезаются каменными ножами. Некоторые зачесывают волосы на лоб. Я не видел никаких украшений из перьев, хотя некоторые мужчины говорили мне, что во время празднеств они носят диадемы из перьев попугая араара. Татуировки или же раскраски тела они не знают, соответствующего слова нет и в их языке.

Племя в горах Доурадос живет исключительно охотой и сбором лесных плодов. Культурные растения не возделываются. Названия некоторых из этих растений имеются в языке племени. Индейцы употребляют культурные растения как лакомство, однако не умеют их выращивать. Мясо пойманных животных съедают почти в сыром виде, обжарив лишь сверху; клубни растений пекут в горячей золе. Индейцы питаются всем, что, по их мнению, съедобно: едят не только мясо животных, птиц и рыбу, но и лягушек, жуков, муравьев, личинки, мед вместе с сотами, плоды лесных деревьев, пальм и кустарников, ягоды, сердцевину пальмы макауа (*Macrocarpa sclerops*), а также мяккую, растертую и размоченную в воде древесину неизвестного дерева, имеющую сладкий привкус.

Излюбленным лакомством являются личинки жука *Rhynchopus palmarum*, живущего в трухлявом дереве. У личинки отрезают головку, тело ее слегка пекут в горячей золе, затем накалывают на сучок, кожу разрывают и внутренность высасывают. Признаюсь, и я попробовал это кушанье: на вкус оно напоминает не совсем прокопченное сало, но более жидкое. При сборе лесных плодов мужчины взбираются на высокие деревья при помощи лианы, обмотанной вокруг ствола и другим концом привязанной повыше щиколоток. Женщины выкапывают различные клубни при помощи деревянных палочек. Сбор лесных плодов в тех случаях, когда нет необходимости влезать на деревья или же рубить их, является делом женщин и детей.

Некоторые семьи готовят опьяняющий напиток «уаражи» из подвергнутых брожению раздробленных плодов пальмы жаботикаба (*Murcia jaboticaba*), разведенных водой. Напиток бродит в лоханях или корытах, выдолбленных из дерева, однако не все индейцы пьют его, многие считают его отвратительным. Индейцы этого племени не знают табака, не курят его и не выносят табачного дыма. Соответствующее слово на их языке означает лишь дикорастущее растение, а не курительный табак.

Излюбленный и весьма распространенный напиток, называемый «кокуай», готовят из листьев и молодых ветвей кустарника *Cex paraguayensis latifolia*. Это, в сущности, известный парагвайский чай матэ. Обожженные над огнем ветки этого кустарника женщины разламывают на мелкие кусочки, которые затем раздробляют тяжелыми деревянными пестами в ступах, изготовленных из поперечно выдолбленных стволов. Полученный порошок растворяют в холодной воде, перемешивают пальцами и напиток готов. Этот напиток индейцы пьют почти непрерывно. Он имеет несколько горьковатый, вяжущий привкус, но нужно признать, что в душном энео девственного леса он действует освежающе. Лакомством, разрешаемым лишь взрослым мужчинам, являются жареные змеи. Какой вкус имеет змеиное жаркое, я не знаю, мне не дали попробовать, так как в моей нижней губе нет отверстия для колышка.

Так как изучавшееся мною племя не знает изготовления керамики, женщины этого племени не умеют кипятить воду. В качестве сосудов для питья они пользуются либо скорлупой околочетника одной из пальм, имеющей челючнообразную форму и обладающей большой прочностью, либо сосудами, сделанными из высушенных плодов

дерева *Crescentia cuete*, имеющих тонкие стенки и поэтому легко трескающихся. Ни в одних, ни в других сосудах кипятить воду нельзя; индейцы эти еще не знают способа кипячения воды при помощи бросания в нее раскаленных камней.

Вся домашняя утварь этих индейцев, орудия и оружие изготавливаются из камня, кости или дерева. Хорошо отшлифованными каменными топорами они рубят полые внутри деревья, наполненные медом диких пчел без жал, вида ирапуа. Животных потрошат при помощи каменных ножей; из камня изготавливают также терки для разделывания различных клубней и состругивания съедобной древесины и сердцевины пальм. Все их каменные орудия имеют разительное сходство с предметами, найденными во время раскопок на побережье в раковинных кучах.

Из твердого дерева эти индейцы делают дубинки длиной около 1 м, которыми убивают диких животных, пойманных в ловушки; дубинки хорошо оглажены и натерты соком коры какого-то кустарника. Основным оружием для охоты служат, однако, луки и стрелы. Луки изготовлены из прямых ветвей дерева пау дарко (*Tecoma leucocaulium*). Ветвь длиной примерно 195—210 см очищают от коры, каменным ножом обрезают и сглаживают, с тем чтобы сечение луча в середине имело приблизительно овальную форму, сужающуюся к концам. Затем дерево кладут на несколько дней в тень для просушки; наконец, лук натирают отваром коры того же кустарника, при помощи которой оглаживают деревянные дубинки. Это покрытие имеет красно-коричневатый цвет и делает дерево устойчивым против воды и солнца.

Тетиву индейцы вяжут из волокон кустарника вида *Bromelia*. Тетива не натянута, а висит свободно. Натянуть тетиву (а тем самым и согнуть лук) должен стрелок; так как лук длинный и прямой, нужно иметь немало силы, чтобы согнуть его.

Стрелы делают трех типов. Для крупных зверей, как например тапиров, диких кабанов и ягуаров, применяют стрелы длиной 110—120 см, с длинным отрнем. Острие и стержень делают из бамбука. Стрелы другого типа служат для охоты на меньших животных; они короче, не имеют зубьев и снабжены наконечником из твердого дерева, тщательно оглаженным и заканчивающимся очень тонким острием. Сам наконечник составляет примерно треть длины стрелы. Для охоты на мелких птиц используют стрелы третьего типа, у которых вместо наконечника прикреплена небольшая палочка из твердого дерева. Оперение всех стрел делают из хвостовых перьев фазана жаку (*Penelope superciliaris*). Оперение и наконечник прикрепляют к стержню нитками из волокон крапивы и просмаливают смолой дерева жатоба (местное название).

Охота при помощи лука и стрел в густом лесу весьма затруднительна, так как поиски убитого животного среди тернистых кустарников требуют больших усилий. Поэтому индейцы предпочитают охотиться на животных при помощи ловушек, в изготовлении которых они достигли большого мастерства. Ловушки делают двух типов. Одна ловушка служит для поймки живого зверя, которого затем убивают дубинкой; второй тип ловушки предназначен для умерщвления животного ударом толстой палки. Ловушки делают быстро и искусно из ветвей, палок, нитей, лиан, веревок и проч. Индейцы этого племени не знают копий, в их языке нет такого слова, как нет и слова, означающего удилица. Рыбу они ловят лишь при помощи веревок, к которым привязывают приманку.

При помощи длинных зубов некоторых животных весьма искусно сверлят отверстия; иглы и некоторые другие мелкие орудия они делают из кости или древесины. Иногда в качестве орудия применяют целую челюсть животного вместе с зубами. Кости они не обрабатывают, а лишь обтачивают. Орудия не украшают каким-либо орнаментом. Женщины искусные корзинщицы и вязальщицы, но ткать не умеют, так как не знают ткацкого станка. Из листьев некоторых пальм они быстро и ловко делают корзины, в том числе заплечные, а также плетенки, кораба и т. п. Глубина некоторых корзин составляет около 40 см. В корзинах и коробах переносят на спине все грузы.

Волокна для плетения женщины изготавливают из карагуата (*Bromelia segra*) либо из необычайно жгучей крапивы, высота которой достигает почти 1,5 м. Крапиву срезают каменными ножами, долгое время отмачивают в проточной воде, а затем колотят на плоских камнях, с тем чтобы отошел опнивший в воде верхний слой. В результате получают длинные и прочные белые волокна, которые затем медленно сушатся в тени. Готовые волокна, раскатывая на бедрах, связывают в грубые нити. Прясла индейские женщины не знают. Из готовых нитей плетут сумки, в которых из леса приносят клубни, мелких животных, съедобные личинки и т. д.

Индейцы, живущие в горах Доурадос, не знают челнов и весел. Челн знаком индейцам лишь по внешнему виду. Несмотря на это, в своем языке они имеют слово, означающее челн. Проточной воды они не боятся, любят несколько раз в день купаться и хорошо плавают.

Еще до недавних пор индейцы этого племени разводили огонь, сверля мягкую древесную подкладку колышком из твердого дерева. Разведение огня при помощи этого примитивного орудия дело трудоемкое, и в настоящее время индейцы не любят им заниматься. Широкое применение нашли старые бразильские кресала, которые члены племени получают либо путем обмена, либо в подарок. Об отсталости этого

племени свидетельствует и то обстоятельство, что его представители не разводят домашних животных, даже собак. Слова, означающего собаку, в их языке нет. Они очень боятся этих животных и никогда не идут на fazенду, где имеется собака. Для развлечения дети иногда ловят детенышей некоторых животных и птиц, как например коати, обезьян, попугаев и проч.; в магически-лечебных целях индейцы разводят один из видов ястреба.

Из всего сказанного видно, что индейское племя, открытое в Серра-до-Доурадос в штате Парана, все еще живет подобно людям каменного века. Мужчины занимаются охотой, рубят полые деревья с гнездами диких пчел и пальмы со съедобной сердцевинкой, влезают на высокие деревья, разводят огонь, изготавливают орудия, утварь и оружие. Женщины собирают лесные плоды, плетут корзины, кораба и сумки, сооружают защитные навесы, носят грузы, готовят пищу и напитки и распределяют их.

Во время моего пребывания в горах Доурадос племя насчитывало около 200 человек, теперь это число сократилось вдвое, так как жестокая борьба за существование в девственных лесах требует такого напряжения сил, что лишь отдельные, наиболее выносливые лица достигают возраста сорока лет. Неустанное выжигание лесов отнимает у них возможность пропитания, поэтому, несмотря на все старания инспектората Управления по охране индейцев в г. Куратиба, недалеко то время, когда и эти последние люди каменного века исчезнут.

По своему характеру это дружелюбные и веселые, миролюбивые люди, понятие «война» вообще не имеет соответствующего слова в их языке. Они постоянно между собой о чем-то говорят и обладают глубоко развитым чувством юмора. При случае они умеют от всего сердца посмеяться и совсем не бывают мрачными, как это нередко утверждают об индейцах. Члены племени не знают зависти, злорадства и ехидства, откровенны, не умеют лгать, притворяться, не прельщаются чужим имуществом и во время моего пребывания среди них еще не научились пьянствовать, драться между собой и воровать. В последнее время голод принуждает их просить милостыню и красть, они научились пить бразильский спиртной напиток домашнего приготовления «кашаса».

Так как оба моих переводчика, как Тука, так и Жеральду, еще не достигли совершеннолетия и не были приняты в число взрослых мужчин, мне удалось узнать очень немного о социальных и семейных отношениях и религии этого племени индейцев. Для тщательного изучения всех этих вопросов потребовалось бы наличие взрослого переводчика и более долгое время для исследования. Да и я сам, по их мнению, не был взрослым мужчиной, так как не имел отверстия в нижней губе и не мог носить в нем колышка. Сведения, которые мне все же удалось получить, были мной изложены в уже упомянутой выше статье на французском языке.